ИВАНЪ НЕПОМНЯЩІЙ.

Отрядъ нашъ назначенъ былъ, какъ говорятъ казаки, въ секретную партію, для наказанія хищныхъ горцевъ. Когда все было приготовлено, около заката солнца, и небольшая передовая сила наша сѣла на коней, то еще никто не зналъ, куда мы идемъ. Въ авангардѣ копыта конскія обмотаны были онучами и шашки заложены подъ ляшки, чтобъ ничего не брякнуло: велѣно идти какъ можно тише, чтобъ скрасть непріятельскіе караулы. Отрядъ тронулся, прошелъ по дорогѣ поболѣе часу и повернулъ вправо, перешелъ вбродъ быстрый горный потокъ и поднялся прямо на крутую гору. Прихвативъ на подъемѣ гривки, мы вскорѣ очутились на плоской возвышенности, гдѣ сумерки казались немного порѣже и полумракъ выказывалъ намъ въ отдаленіи гористую и, какъ казалось по очеркамъ, частью лѣсистую, а

частью каменистую полосу, къ которой таинственный вожакъ нашъ въ буромъ башлыкѣ и папахѣ, протянулъ руку: онъ указывалъ на отдаленный раздолъ, куда намъ лежалъ путь. Отрядъ собрался, оправился, выстроился и снова тронулся въ путь.

До разсвѣта остановились мы только на четверть часа въ глухомъ и темномъ оврагѣ того самаго раздола, который видѣли предъ собою съ вечера, верстахъ въ тридцати; тутъ команда «стой!» передана была почти шопотомъ и приказано еще разъ осмотрѣть и поправить оружіе. «Съ Богомъ, маршъ!» сказалъ вполголоса начальникъ отряда и повелъ за собою извивавшуюся змѣйкою по оврагу конницу. Замки на ружьяхъ и пистолетахъ были осмотрѣны, каждый еще разъ увѣрился въ исправности своего ружья, попытавъ даже, на слаби–ли ходитъ шашка въ ножнахъ и не туго ли засѣлъ въ нихъ кинжалъ. Всякій зналъ, что когда идутъ на вырѣзку аула, то дѣло легко можетъ дойдти и до ножей.

Не съ большимъ часъ прошли мы еще доброй ходой, какъ восходъ обозначился блѣдною полоской просвѣта, такъ что въ эту сторону купы деревъ стали оттѣняться темнѣе и отдѣляться рѣзче. Вскорѣ вожакъ отъѣхалъ съ начальникомъ отряда немного въ сторону, остановился и, какъ–бы прижимаясь къ чему–то въ бокъ, осторожно указывалъ нагайкой внизъ по косогору. Тутъ едва замѣтно бѣлѣлись сакли съ плоскими, темными, взъерошенными кровлями: это былъ аулъ, на который мы острили зубы и когти.

Отрядъ молча раздѣлился на три части: одна пошла правѣе, спускаясь по косогору; другая взяла влѣво, въ обходъ по гребню горы; третья осталась на мѣстѣ, съ приказаніемъ подвигаться медленно впередъ, когда загорится дѣло, и образовать заподную силу. Весь отрядъ шелъ въ такой мертвой тишинѣ, что, казалось, каждому слышался одинъ только перебой сердца въ груди; оно стучало вслухъ. Такъ же тихо и мертво было все впереди и вокругъ насъ; все спало въ аулѣ

мертвымъ сномъ; ни души не было слышно, ни видно. Правый отрядъ подходилъ уже вплоть, и нѣкоторые изъ старыхъ и бывалыхъ солдатъ стали приглядываться, прилегая къ лукѣ и щурясь противъ слабаго разсвѣта: они зорко глядѣли на какую–то черноватую, неширокую полоску, которая тянулась предъ ними грядою поперегъ. Видъ этотъ показался имъ знакомымъ, хотя они и не бывали никогда въ этихъ мѣстахъ.... Но они не ошиблись: лишь только дано было приказанiе атаковать аулъ, и развернувшiйся лавою отрядецъ съ гикомъ понесся впередъ, какъ вдоль всей черной полоски внезапно блеснулъ огонь, будто по ней пробѣжала молнiя, и густой залпъ встрѣтилъ озадаченныхъ всадниковъ. Чуетъ кошка чье мясо съѣла: въ аулѣ видно ждали этого нападенiя, и сдѣланные наскоро завалы заняты были стрѣлками.

Часть нашего отряда быстро спѣшилась и бросилась въ шашки; между тѣмъ отрядецъ, пошедшiй въ обходъ, влѣво, по гребню, спустился съ противоположной стороны, кинулся на аулъ съ другаго конца,

и посыпавшіеся тамъ горохомъ выстрѣлы вызвали громкое ура всего отряда; резервъ также отозвался, и мы перекликнулись братски съ трехъ сторонъ. Горцы увидѣли, что они окружены и что нѣтъ спасенья: можно только продать жизнь свою дороже или дешевле. Завалы были взяты съ–разу, рукопашный бой длился нѣсколько времени въ садахъ и улицахъ, если только неправильные промежутки между избами и огородами можно назвать улицами; солнце разсыпало первыя блестки свои и насталъ день. Большая часть окруженныхъ отрядомъ нашимъ горцевъ легла на мѣстѣ; бѣглецы кинулись по двумъ дорогамъ, влѣво на перешеекъ гребня и прямо на резервъ нашъ: и тутъ и тамъ наткнулись они на сильную засаду. Солнце освѣтило уже поконченную работу; захваченный скотъ и нѣсколько плѣнниковъ, почти все раненые, сданы были подъ караулъ и тотчасъ же двинулись обратно; встрѣчу имъ выступилъ, по пятамъ нашимъ, небольшой свѣжій отрядецъ, назначенный именно для пріемки воинской добычи и для прикрытія

нашего тыла. Нашему отряду дано было на роздыхъ не болѣе полутора часа, а затѣмъ велѣно было тотчасъ выступить обратно. Долѣе оставаться было бы опасно.

И съ нашей стороны было не безъ потери, потому что мы наткнулись на засаду завала; но потеря эта была незначительна, сравнительно съ полнымъ пораженіемъ врага. Аулъ былъ сожженъ, но не прежде какъ при самомъ выступленіи нашемъ въ обратный путь, чтобъ дымъ не послужилъ знакомъ общей тревоги для всей округи. Два офицера были ранены; ихъ усадили на смирныхъ, надежныхъ коней, придавъ каждому по два человѣка на помощь; убитыхъ офицеровъ не было ни одного, но, по сборѣ отряда, оказалось, что не досчитывается поручика Невѣдомскаго, Ивана Непомнящаго, какъ онъ, бывало, самъ себя называлъ, Ивана Павловича, какъ звали его солдаты и всѣ добрые люди. Пустили голосъ по отряду: *поручика Невѣдомскаго къ полковнику!* Кличъ повторялся до ста разъ, огласивъ всю окрестность, и замолкъ безотвѣтно: никто

на него не отозвался. Послали разъѣзды по всему аулу, по всей цѣпи заваловъ, по садамъ — нѣтъ его нигдѣ, и ни слуху, ни духу о немъ.

Послѣ двухчасоваго поиска, который положительно удостовѣрилъ огорченнаго начальника и всѣхъ товарищей, что Невѣдомскаго тутъ не было ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ, отрядъ долженъ былъ воротиться, оплакивая безъ вѣсти пропавшаго. Нельзя было даже предположить, чтобъ онъ какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ могъ попасться въ плѣнъ: аулъ былъ такъ хорошо и тѣсно окруженъ, что съ минуты перваго натиска едва–ли могла уйдти изъ него хотя одна душа; какимъ же образомъ допустить, чтобъ офицеръ могъ быть взятъ незамѣтно въ плѣнъ и уведенъ, также небудучи никѣмъ замѣченъ? Казаки перехватали даже разбѣжавшихся ребятъ, не только вершниковъ. Невѣдомскаго видѣли въ послѣдній разъ на самомъ приступѣ, когда наши бросились въ шашки; въ рукопашномъ бою, гдѣ каждый по неволѣ занятъ былъ

только тѣмъ, что у него подъ носомъ, его болѣе никто не замѣтилъ, а спохватились его уже по окончанiи всего дѣла, послѣ сбора. Какъ бы то ни было, но Невѣдомскiй пропалъ, и не было въ цѣломъ отрядѣ ни одного человѣка, который бы, соображаясь съ обстоятельствами, могъ сдѣлать на этотъ счетъ какое нибудь сбыточное предположенiе. Скажемъ болѣе: если офицеръ попадется въ руки горцевъ, то объ этомъ всегда узнаютъ скоро, какъ чрезъ лазутчиковъ, такъ и прямо отъ тѣхъ, которые надѣются получить за него выкупъ; о Невѣдомскомъ же никогда и никакихъ слуховъ не было, и горцы сами говорили, что въ дѣлѣ этомъ не плѣнили у насъ ни одного человѣка.

— Вотъ судьба! сказалъ одинъ изъ товарищей пропавшаго безъ вѣсти, когда всѣ они, благополучно воротившись на спокойный бивачный ночлегъ, сидѣли съ трубками вкругъ костра, за общимъ чаемъ: — вотъ судьба! Явился человѣкъ на свѣтъ неизвѣстно откуда; прозванiе дано ему неизвѣстно кѣмъ, и оно называетъ его

невѣдомымъ пришельцемъ; подъ этимъ прозваніемъ онъ служилъ, дослужился чиновъ и отличій, и само правительство не знало, кого оно жалуетъ и награждаетъ; и сошелъ онъ со свѣту какъ Невѣдомскій, никому невѣдомо какъ и куда. Что скажете на это, господа, какъ прикажете это объяснить?

— Онъ, кажется, былъ изъ воспитательнаго дома, спросилъ другой: — такъ, помнится, сказывалъ кто–то.

— Такъ вы не знаете похожденій нашего Ивана Непомнящаго? спросилъ первый.

— Нѣтъ, онъ не изъ воспитательнаго дома, и происхожденіе его еще загадочнѣе этихъ безродныхъ пріемышей правительства. Я знаю въ подробности все, что объ Иванѣ Павлычѣ было извѣстно, и коли хотите, разскажу странныя событія, при которыхъ бѣднякъ явился на свѣтъ:

«Въ одной изъ столицъ нашихъ жила, вовсе неизвѣстная въ высшемъ обществѣ, повитуха; но въ среднемъ и чиновничьемъ кругу ее очень любили. Она была женщина порядочная, добросовѣстная, но жадная на

деньги и въ дѣлѣ своемъ бралась своими руками за все сама, не брезгая ничѣмъ, не требуя никакой прислуги. Эта обрусѣлая нѣмка жила себѣ скромно и тихо, съ одною кухаркой, съ которою обжилась и не разставалась много лѣтъ. Сама она, по роду занятій, большую часть дней и ночей проводила внѣ дома, и кухарка эта, Аннушка, была столько же хозяйкой въ маленькомъ хозяйствѣ этомъ, сколько сама Марья Ивановна. Въ маленькой укромной квартирѣ своей принимала она иногда и у себя, если родильница почему либо этого желала, и Аннушка пріучена была къ этому уходу.

«Однажды вечеромъ позвонили. Вошелъ молодой, ловкій, весьма хорошо одѣтый мужчина — князь или графъ, какъ Марья Ивановна увѣряла; робко, но торопливо потребовалъ онъ хозяйку, спѣшно вошелъ и, поклонившись, спросилъ: «Можно ли здѣсь разрѣшиться одной пріѣзжей дамѣ, которая заѣхала сюда одна, безъ родныхъ и безъ знакомыхъ, задержана была дѣлами и нездоровьемъ долѣе, чѣмъ разсчитывала, и,

настигнутая рокомъ своимъ, теперь не знаетъ куда дѣваться?» На утвердительный отвѣтъ, за которымъ хозяйка намѣрена была спросить: въ какой день, или около какого времени она должна ожидать эту гостью, посѣтитель тотчасъ раскланялся, сказавъ, что роженица будетъ чрезъ полчаса. Застигнутая вѣстью этою въ–расплохъ, Марья Ивановна съ Аннушкою захлопоталась и едва только успѣла припасти самое необходимое, какъ карета простучала по двору, звонокъ подалъ голосъ, и тотъ же молодой человѣкъ ввелъ въ комнату молодую, рослую, прекрасную собой женщину, одѣтую богато и съ большимъ вкусомъ. Много лѣтъ спустя, Марья Ивановна съ какимъ–то изумленіемъ и подобострастіемъ разсказывала объ этомъ нежданномъ для нея явленіи, припоминая, какъ плавно и твердо эта женщина вошла, какъ спокойно и привѣтливо поздоровалась и съ какою великолѣпною простотою прошлась по комнатѣ, въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ головномъ уборѣ, будто прямо съ бала, а между тѣмъ, чрезъ

часъ времени уже все было кончено, и новый гражданинъ этого міра вступилъ на свое мірское поприще.

«Черная дама, по словамъ Марьи Ивановны, едва дозволила себѣ во все время нѣсколько вздоховъ вслухъ: ни одного стона, не только крика, не было слышно. «Такого нечеловѣческаго мужества» говаривала Марья Ивановна «я не видывала во всю жизнь свою; а чрезъ мои руки переходило въ годъ не менѣе сотни родильницъ, и принимала я тогда уже болѣе двадцати–пяти лѣтъ. Дѣло привычное; но мнѣ и Аннушкѣ, среди этого мертваго молчанія, даже сдѣлалось страшно.

«Менѣе часа, какъ увѣряетъ Марья Ивановна, таинственная роженица оставалась на постели, вдругъ сама встала, блѣдная, но твердая и свѣжая, не слушала никакихъ убѣжденій и будто не слыхала ихъ, отказалась даже, къ ужасу заботливой Марьи Ивановны, отъ неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ роковаго ромашковаго чаю; прямо съ одра своего подошла она

твердою поступью къ зеркалу и стала оправлять на себѣ волосы.... Отъ изумленія растерявшаяся Марья Ивановна даже не смогла остановить смѣлую руку своей таинственной гостьи, когда она потомъ подошла къ окну, гдѣ, для домашняго обихода, стоялъ графинъ съ водою, налила полный стаканъ и выпила его разомъ.

«Дама присѣла, попросила позвать изъ другой комнаты своего провожатаго, который бросился со слезами цѣловать ея руки, сказала ему что–то, и онъ спѣшно удалился. Обратясь къ хозяйкѣ, она благодарила ее, отдала ей готовый пакетъ, въ которомъ оказалось пятьсотъ рублей, и просила ее оставить у себя младенца хоть до завтра, просила также найдти тотчасъ хорошую кормилицу, обѣщая прислать за ними на слѣдующій день. Марья Ивановна слушала все это, какъ во снѣ, не понимая, какъ можетъ роженица уѣхать въ этомъ положеніи, и спросила: «Развѣ вы не останетесь у меня, по крайней мѣрѣ, до девятаго дня?» Но та съ кроткою улыбкой отвѣчала, что не можетъ оставаться и

девяти минутъ, встала и вышла сама съ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ, который, между тѣмъ, привелъ извощичью карету. Онъ заботливо проводилъ жену — сестру — подругу, Богъ–знаетъ, кѣмъ и чѣмъ ему была она — проводилъ только подъ руку, по лѣстницѣ съ третьяго жилья, оба сѣли, и карета покатилась. Марья Ивановна и Аннушка смотрѣли только другъ на друга, не могли опомниться отъ изумленія и не знали что говорить. Прибравъ на–скоро все, онѣ, по обычаю, послѣ такихъ ночныхъ трудовъ, принялись за самоваръ и кофейникъ.

Взглянувъ еще разъ на ребенка, Марья Ивановна присѣла отдохнуть и успокоиться, пожала плечами, покачала головой, откусила крошку сахару съ булавочную головку и сказала, прихлебывая:

— Ай, ай, Аннушка! смотри, какія дѣла на свѣтѣ дѣлаются — а?

— Да какая хорошая, сказала Аннушка — да богатая, да знатная! Вѣдь и мнѣ, вотъ что пожаловала, и статная, и даже, вотъ вошла, такъ ничего незамѣтно,

все равно, что мы съ вами, Марья Ивановна. Съ нею, бѣдною, что нибудь да приключилось, и разодѣтая; чай, дома сказала на вечеръ куда уѣхала.... Ахъ, Марья Ивановна, случай какой!

— Богъ съ нею, Аннушка, не наше дѣло это. Мы свое сдѣлали, все благополучно покончили, и она не оставила насъ.

— Ужъ подлинно, что не оставила, прибавила та: — и, вѣстимо, матушка, что дѣло не наше: про то Богу вѣдомо; а барыня прекрасная и презнатная; салопъ какой, соболій весь, крытъ зеленымъ бархатомъ, дорогой, предорогой!

— Да, продолжала Марья Ивановна: — знатнаго, княжескаго рода. Такихъ серёгъ я и не видывала. Ну, Аннушка, прибирай, отдохнемъ. Богъ–вѣсть, много ли еще дадутъ мнѣ уснуть эту ночь; въ нашей работѣ только въ два или три лѣтніе мѣсяца и выспишься, а съ августа по май вѣдь ни одной ноченьки не дадутъ соснуть. Утромъ иди скорѣе за кормилицей, да приведи хорошую — слышишь? Жалованья тутъ не пожалѣютъ и разодѣнутъ знаешь какъ!

«На утро пріѣхалъ тотъ же молодой человѣкъ, освѣдомился о ребенкѣ, о кормилицѣ, и просилъ бабку оставить ихъ еще на время у себя, обѣщая много благодарности и хорошую плату за всѣ труды и хлопоты. Говоря это, онъ все оглядывался кругомъ, искалъ чего–то съ безпокойствомъ и очень обрадовался, когда Марья Ивановна подала ему забытый вчера роженицею платокъ, шитый, батистовый и кружевной, вѣроятно, мѣченый, хотя наша бабушка, въ простотѣ своей, и не догадалась осмотрѣть уголковъ. Посѣтитель спѣшно сунулъ его въ карманъ, еще разъ просилъ позаботиться матерински о младенцѣ и уѣхалъ. Кормилица была нанята и расположилась съ питомцемъ своимъ въ гостиной комнатѣ Марьи Ивановны.

«Чрезъ нѣсколько времени явился опять тотъ же молодой человѣкъ и просилъ бабку не поскучать воспитаніемъ ребенка, положивъ сверхъ платы кормилицѣ, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ и выдавъ деньги за полгода впередъ. Для небогатой

женщины это была находка. Посовѣтовавшись съ Аннушкой, хозяйка согласилась; самое ее никогда почти не было дома, Аннушка по цѣлымъ суткамъ скучала одна и рада была новымъ домочадцамъ.

«Послѣ нѣсколькихъ недѣль, нечаянно вечеромъ, вдругъ опять явилась мать ребенка, въ такомъ блескѣ и величіи, что Аннушка готова была присягнуть за нее, что она перваго княжескаго рода; но она пришла пѣшкомъ, одна одинёхонька, и никто не зналъ откуда она взялась. Казалось, она пріѣхала съ самаго великолѣпнаго бала.

«Порадовавшись сыночку, она подарила ему нѣсколько дорогихъ, прекрасныхъ игрушекъ, претонкаго бѣлья, платья, одарила бабку, кормилицу и Аннушку, и отдала деньги за второе полугодіе. Замѣчаніе Марьи Ивановны, что младенца пора крестить, она предупредила отдачею записки, въ которую завернутъ былъ золотой крестикъ, деньги на крестины, съ надписью: *Иванъ Павловъ Невѣдомскій*,

родился тогда–то. Слова эти написаны были, видимо, искаженною рукою. Бѣлье и пеленки помѣчены были И. Н.

«Марья Ивановна, пожавъ плечами, покачавъ головой и потолковавъ обо всемъ этомъ съ своею наперсницею, Аннушкой, продолжала ходить за ребенкомъ и заботиться о немъ, какъ о родномъ. Прошелъ годъ, наступилъ и другой; мать навѣдывалась раза три, молодой человѣкъ также временемъ заходилъ; опять одарили всѣхъ, заплатили условную цѣну впередъ и скрылись. Аннушка, вслѣдствіе тайнаго семейнаго совѣта, побрела было разъ слѣдомъ за барыней, когда она вышла отъ нихъ и пошла пѣшкомъ черезъ дворъ; хотѣлось было узнать, куда поѣдетъ эта загадочная гостья, въ собольемъ салопѣ своемъ на рытомъ бархатѣ, по десяти цѣлковыхъ аршинъ — а и эта расцѣнка была уже сдѣлана, въ томъ же семейномъ совѣтѣ — но осторожная княгиня оглянулась нѣсколько разъ, проходя по двору, и, замѣтивъ Аннушку, робко издали остановившуюся, пригрозила ей пальцемъ,

приворожила ее этимъ къ мѣсту, и спѣшно скрылась. Пристыженная Аннушка воротилась съ неудачнаго поиска своего въ большомъ страхѣ и пересказала Марьѣ Ивановнѣ обстоятельно обо всемъ.

«Мальчику исполнилось два года, и въ день его рожденія мать навѣстила его въ послѣдній разъ: никто болѣе не навѣдывался о немъ, и затѣмъ ни о матери, ни о провожатомъ ея не было никакихъ слуховъ. Марья Ивановна утѣшала себя и Аннушку тѣмъ, что не заболѣла ли бѣдная мать, не уѣхала ли куда на время, или не сталась ли какая помѣха для отлучекъ изъ дома; но вскорѣ Марья Ивановна очень была озабочена подростающимъ питомцемъ своимъ, за котораго никто не вносилъ болѣе платы: куда съ нимъ дѣваться, какъ его воспитать и пристроить? Ей, женщинѣ бѣдной и занятой по ремеслу гдѣ день, гдѣ ночь, такой воспитанникъ былъ въ большую тягость. Притомъ она все еще считала его чуть не владѣтельнымъ княземъ, полагала, что родные явятся, потребуютъ отчета, и что она обязана держать и воспитать его

какъ барина. Но годъ проходилъ за годомъ, и никто о немъ не заботился. Сколько Марья Ивановна ни старалась разузнать что нибудь о загадочныхъ родственникахъ его — все напрасно. Одинъ только разъ, и то ужъ давно, она встрѣтила въ Гостинномъ Дворѣ ту самую молодую, прекрасную и богатую женщину, которая покинула у нея своего ребенка: она была не одна, съ нею шла еще другая, такъ же богато–одѣтая дама. Марья Ивановна замѣтила, что несчастная мать узнала ее, сильно встревожилась и спѣшно скрылась въ другую лавку; скромная Марья Ивановна не сочла приличнымъ преслѣдовать ее, но и не желала упустить этотъ нечаянный и, можетъ быть, послѣднiй случай обезпечить будущность ребенка; она подошла къ красивой каретѣ съ гербомъ, постояла, оглядываясь, и наконецъ спросила у ливрейнаго лакея: «чья эта карета?» — «Господская», отвѣчалъ тотъ громко и отвернулся. Кучеръ разсмѣялся остротѣ этой и на обращенный къ нему вопросъ не далъ никакого отвѣта, а глядѣлъ въ

противную сторону. Въ это самое время княгиня, или графиня, подошла скорыми шагами къ каретѣ, бесѣдуя съ своею подругой; дверцы скоро растворились, опять затворились, подножка хлопнула, и карета укатила прежде чѣмъ бѣдная Марья Ивановна успѣла опомниться; а когда она вздумала сѣсть на извощика и догнать ее, то попустому издержала двугривенный, а кареты не нагнала. Ваня росъ; Марья Ивановна заботилась о немъ, какъ о сынѣ; сколько могла, держала даже для него дорогихъ въ столицѣ учителей, но, наконецъ, выбившись изъ силъ, пристроила его въ одно изъ низшихъ военныхъ заведенiй, куда мальчикъ, понимая положенiе свое, самъ убѣдительно просился. Онъ вышелъ оттуда, по бойкимъ способностямъ своимъ, очень молодъ, топографомъ, былъ назначенъ сюда, на Кавказъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ отличился и произведенъ въ офицеры, получилъ еще затѣмъ, какъ всѣмъ вамъ, господа, извѣстно, два креста и два чина, былъ

любимъ и уважаемъ всѣми нами, и товарищами и солдатами.»

Кто была мать его, эта прекрасная и богатая, знатная женщина? зачѣмъ она скрыла ребенка? зачѣмъ забыла его, или отказалась отъ него, будучи еще жива и находясь все еще въ той же столицѣ?

Прибавимъ къ этому, что Невѣдомскій пропалъ со свѣту навсегда, никому невѣдомо какъ и куда. О немъ не было никакихъ болѣе слуховъ. Какъ бѣднякъ явился, такъ и исчезъ, безъ слѣда и безъ вѣсти.